

1996 №6

ПАМЯТИ БРОДСКОГО

Умер Бродский. Означает ли это "конец прекрасной эпохи"? Бродский не "открыл" какую-либо литературную эпоху; его смерть никакую литературную эпоху не "закроет". Смерть поэтов - даже самых великих - не может "закрывать" эпох, как мы привыкли думать и представлять.

Святая наивность, банальность, общее место - поэзия непрерывна, как память. Поэзия - непрестанная память о самой себе. В поэзии нет "концов" и "начал". По-моему, напрасны все рассуждения о каких-то "чредованиях культурных эпох", об умирающем и воскресающем Дионисе и о его борьбе с Аполлоном.

Поэзия - часть литературы; литература - часть культуры. Культура - память бытия о самом себе. Поэзия в своих сущностных определениях не выходит за рамки любого культурного явления. На мой взгляд, культурное явление - фиксация момента бытия в его высказывании о самом себе. Результатом самосознания бытия и является память. Культура и память тождественны.

Поэт осуществляет задание бытия. Поэт фиксирует бытие в культурных

принципов поэта. Я считаю, что соотношением устной и "текстовой" культур объясняется пресловутый "приоритет языка над смыслом" у Бродского, о котором так много писали. Совершенная поэтическая форма способна придать значение самому неэстетическому, самому незначительному содержанию, облагородить, возвысить его; и, обратно, слабая, несовершенная, размытая форма убивает самое высокое содержание - и тогда последнее

Мария Снигиревская. "Вторжение в кадр", 1992.

"СМЕНА КРАСОК ЭТИХ ТРОГАТЕЛЬНЕЙ, ПОСТУМ..."

формах. В культуре бытие оформляет себя плотски, в "тексте", если применить это понятие модернистской эстетики. Язык - форма, в которой присутствует "текст" в литературе (язык в узком смысле, поскольку можно говорить о "языке красок", "языке музыки" и т.п.). О прошлом мы знаем только по формам, в которых это прошлое самое себя оставило. Момент бытия, обладающий содержанием, "входит" в поэта, который рожден мучиться поиском адекватной формы. Всякое содержание уникально, неповторимо и жаждет стать явлением культуры, обрести культурную форму. В этом смысле поэт, несомненно, "избран". Устная память, чтобы стать культурной памятью, должна стать "текстом", культура - это оформленная память.

Я заметил, что уже почти пересказываю "Нобелевскую лекцию". Бродский понимал (огромная печаль - в этом суффиксе прошедшего времени) язык как абсолютную форму памяти. Для Бродского была совершенно неприемлема мысль о том, что содержание памяти культуры самоценно - и на это обращали пристальное внимание исследователи его творчества на Западе. Для него содержание вне формы равно нулю. Мир человека, так называемый "внутренний мир" - часть бытия вообще. Эхарт, на которого любил при случае сослаться Бродский, - особенно, когда говорил о своих "рождественских стихах" - писал, что внутренний мир человека есть частица Божьего мира; поскольку человек мыслит сам себя, поскольку часть Божьего мира мыслит сама себя в человеке. И вот этот "внутренний мир" для Бродского не имеет культурной ценности, не будучи оформленным.

Я не буду больше цитировать "Нобелевскую лекцию" - документ, который, на мой взгляд, является концентрацией творческих

может вообще не войти в поле культуры. Так считал Бродский. Мастерство и профессионализм поэта для него заключались в умении безусловно подчинить язык задаче, в умении "сделать из языка все, что угодно".

Бродский был гениальным мастером словесной конструкции. Все поэтические эксперименты двадцатого века нашли в нем свое выражение. Слово Бродского выглядит тусклым, потому что за его сухой расчетливостью словно бы нет одухотворенности экстаза, провоцирующего данную форму; за архитектоникой фразы, за грамматической четкостью как будто бы не просвечивает "огонь сверхсмысла" (О. Седакова). Бродский писал на том пределе, с какого рухнули злоупотребляющие формальными основами его поэтики подражатели и эпигоны - все они, увы, уже успели составить в наше время своеобразное литературное "течение". Бродский не упал в ту бездну, где поэзию мыслят как чисто лингвистический эксперимент - он хорошо понимал, что это значит, в отличие от своих "последователей". Достижения Бродского на этом "пределе" гениальны; время показывает, что здесь он одинок; он "сдержал" поэзию от перехода в практическую структурную лингвистику - сдержал собою. Чтобы не захотеть туда "соваться" окончательно, надо было "сунуться" и узнать, что это такое и чем чревато. Вот, на мой взгляд, чем обусловлено однокое положение Бродского среди наших поэтов (когда я говорю "поэзия" - я имею в виду не массы всех существующих поэтических текстов). Это вовсе не трагическая ситуация, как принято думать, ибо, во-первых, это закономерность культуры, во-вторых, "одиночество есть заслуга и лучшая награда гению" (Гете).

Нормальная память - не просто воспроизведение просящегося воспроизвести бытия; это - анализ воспроизводимого, его опыт. В чем же должна состоять сегодня память о Бродском? На мой взгляд, в преодолении его опыта. Современная поэзия лучше всего запомнит Бродского и оценит его значение, оттолкнувшись от него.

Разве романтизм - не лучшая память о классицизме, реализм - о романтизме и т.д.? Кстати, в этих "измах", как нигде, ощущимы те самые представления о некоей "прерывности культуры", которых необходимо избегать. Память культуры "текстуализируется" непрерывно; каждый отдельный момент памяти, усвоивший момент материализовавшегося бытия, содержит внутри себя в свернутом виде всю диалектику культурного развития (это аксиома для "новейшего" литературоведения, сошлись хотя бы на знаменитую книгу М. Эпштейна "Парадоксы новизны").

В какую сторону иди от Бродского? Бродский развернулся, прочувствовал и показал все грехи, коими чреват приоритет внешней формы над смыслом. Ныне акцент перемещается: сначала смысл происходящего, после - форма. Культура-память сама выбирает одежду для своих сюжетов; "формы" в этом смысле второстепенны, тем более, что их меньше, чем "содержаний". Культура всегда реагирует на самое себя от противного, потому и крепка культурная память; периоды сложных форм сменяются периодами простых и наоборот.

Мир ищет выразиться каждой своей частью через каждого человека. Поэзия воспроизводит формы, которые уже есть во внутреннем мире поэта. Ничего не надо придумывать специально. Поэтическая культура уже среагировала на Бродского - часть и хвала и провокатору, и спровоцированным. Это "метареализм", говорит М. Эпштейн. Форма перестала владеть смыслом и символизировать его имплицитно. "Вновь требуется более прямое исчезающее перед своим предметом слово" (О. Седакова). В поэзию проникают все уровни бытия в своих непосредственных формах. Поэзия помнит о Бродском, хорошо запомнила и усвоила его опыт. Поэзия всегда помнит о самой себе. Теперь она меняет краски. "Смена красок этих трогательней, Постум..."

Сергей Щелоков